

Граф ВОРОНЦОВ-ДАШКОВ

Илларион Иванович Воронцов-Дашков - русский государственный деятель.

Родился в 1837 г., учился в Московском университете. Во время прохождения им курса, началась Крымская война, и он поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии конный полк. С 1859 г. жил на Кавказе, где участвовал в ряде боевых экспедиций против горцев. В 1865 г. отличился при взятии штурмом крепости Ура-Тюбе в Туркестане. Был недолго помощником губернатора Туркестанской области, затем начштаба гвардейского корпуса. Во время войны 1877-78 гг. командовал кавалерией русского отряда Наследника Цесаревича (впоследствии императора Александра III). В 1878 г. назначен начальником второй гвардейской пехотной дивизии. После вступления на престол императора Александра III в 1881 г. назначен начальником охраны Его Величества и главноуправляющим государственным коннозаводством, а в августе 1881 г. - министром императорского двора и уделов.

В марте 1881 г. Воронцов-Дашков организовал своеобразное тайное

общество под названием «Добровольная охрана», потом переименовавшееся в «Священную Дружину». В него вступило немало высокопоставленных лиц (Победоносцев, Игнатьев, Катков), оно должно было охранять личность Государя Императора и бороться с крамолой тайными средствами. В качестве министра двора он произвёл ряд реформ в постановке императорских театров. В 1897 г. оставил пост министра двора и был назначен членом государственного совета. Во время русско-японской войны 1904-1905 гг. исполнял обязанности председателя Красного Креста. В

феврале 1905 г. назначен наместником Кавказа. Во время революционного единения на Кавказе (1905-1906 г.) он принял ряд суровых мер для его подавления, но черносотенная печать и Государственная Дума обвиняли его в послаблениях революционерам. Им написано 10-е письмо в «Письмах о современном состоянии России 1878-1880» генерала Фадеева.

СЕМЬЯ ШВЕЙЦАРА ГРАФА И.И. ВОРОНЦОВА - ДАШКОВА

Рассказ внучки В.К. Кирьянова, бывшего швейцара Воронцовых-Дашковых, Елены Владимировны Мальчевской записала краевед О. Л. Павликова.

квартирам служащих носили дворники. Их было 5 человек, всю свою территорию они убрали ежедневно, за этим всегда следил городской участка. Дрова привозили на баржах, причаливающих на Неве, потом дрова перетаскивались во двор дома солдатами. Моряки также помогали весной и зимой во дворе выбивать ковры. На каждой лестнице дворового флигеля был наверху чердак, где сушили бельё. У дверей квартир стояли шкафы, где держали солонья, варения и другие заготовки. Никто никогда чужого не брал.

В первом этаже дворового флигеля напротив конюшен была кухня. Повара были отменные, готовили прекрасно. Летом, когда вся почти семья графа уезжала в имение или на Кавказ, или в Крым, и оставались только немногие слуги, им полагался обед. За всем следил управляющий. Во дворе детей было много - у каждой обслуживающей графа семьи было по несколько детей. Семья графа была тоже большая, они очень любили детей - и своих, и детей слуг.

Семья графа ходила постоянно в свою церковь, у всех там были свои места, а для графа, когда ему уже было тяжело стоять, и для его жены ставили кресла. Церковь была маленькая, но очень богатая, уютная.

Детей моего деда крестили в Исаакиевском соборе, и крёстными были дети графа. Моя мама - крестница графа. При рождении детей дарили серебряные ложечки на зубок, когда дети деда, мама и мои тётушки, должны были идти учиться, то за их учение платил граф. Мама окончила сначала церковно-приходскую школу, а потом гимназию Петерсон. Старшая сестра мамы выучилась шить в мастерской немки (фамилию не помню). Она очень хорошо шила.

Дед ходил всё время молиться в Исаакиевский собор и всегда стоял на одном месте. Его знали все священники. Своих слуг граф никогда почти не ругал, и никакой "сор из избы не выносили". Господа только не любили грубости, если кто-то кому-нибудь грубил - сразу увольняли. Очень часто устраивались званые обеды, тогда съезжались все дочери графа со своими мужьями и господа с царского двора. Тогда лестница начищалась и украшалась цветами - брали напрокат цветы, в основном гортензии, приглашали из дворца лакеев, моему деду в помощь также приглашали ещё швейцара.

Дед не очень это любил, ведь тогда чаевые доставались не только ему. А вообще, всегда приезжавшие гости клали ему в ливрею в карман деньги и немалые. Были и балы. Мама помнит, как они все смотрели на танцующих на балу с балкончика большого зала. Всех девочек графа учили танцам.

Моего дядю устроили в капеллу, и он часто пел во дворце царя Александра III. Каждое лето семье давали деньги на дачу, а в квартире в это время производили ремонт. На дачу почти в течение семи лет они ездили в Шуваловский парк, где жили в доме около конюшни. В это время графиня начала строить себе там дворец, в котором сейчас находится Институт токов высокой частоты. Его из-за революции не достроили.

А когда наши жили в парке, одна из маминных сестёр увидела рядом пустой дом и сад. Она там часто сидела и читала. И тогда дед попросил графиню разрешить им жить в этом доме летом. Им разрешили и до 1914 года они там жили, а потом графиня совсем отдала его деду, только в 1914 г. его перенесли в Михайловку за железную дорогу. В это время графиня хотела совсем закрыть парк.

Дети и внуки графа учились дома, у них была бонна, которая говорила с ними только на французском и английском языках. Были учителя, гувернантки, словом, обучение шло так, как было в то время принято в богатых семьях. У них была специальная няня, которая следила за собачкой графини. А ещё были охотничьи собаки, к которым был приставлен специальный человек.

Но играть всем детям слуг во дворе не возбранялось - они бегали, кричали, забирались в коляски, никто их за это не ругал и не отчитывал. Граф и графиня были очень добрыми и заботились о своих служащих. Их обслуживал доктор Бучик, и когда кто-нибудь заболел, он всегда приходил. Мама всё вспоминала двух внуков, вернее даже правнуков самого графа - Александра Илларионовича и Софью Ивановну. Какой-то из дочерей, вышедшей замуж против воли отца, граф отказал в приданом. Она оставила детей и уехала из России, т. к., была замужем за греческим послом. Сыновья графа очень любили цыган, и когда в 1916-17 гг. они уезжали из Петербурга, к ним на мужскую вечеринку приезжали цыгане, долго пели, танцевали.

В доме был всегда большой порядок, который соблюдался во всем по заведённому издавна режиму. Всё напоминало режим Царского дворца. Один сын графа жил отдельно, имел свой дом, но был игрок и проиграл этот дом. Брат моего деда был графом рекомендован в Гатчину к матери царя Николая II, он был конюх и часто водил на прогулку наследника Алексея верхом на лошадке.

В октябре 1917 г. в дом пришли матросы, выкатывали бочки с вином. Были конфискованы все ценности - картины, ковры, церковная утварь. Но большинство серебра они отправили уже года 2 назад в Англию. Семью моего деда, когда произошла революция, из квартиры выселили, из-за того, что имелся дом в Парголово. Дед там и умер в 1921 году от холода и голода. Дом был летний и зимой жить в нём было очень холодно.

Александра Илларионовича, которому было лет 10-13, вывезли последним. Мой дед его благословил, попрощался, и долгое время о них ничего не знали. Всю жизнь мои тётушки молились за семью графа. И только в 1990 г. мои родные узнали, что Александр Илларионович жив, живы и другие члены семьи. Они живут во Франции, Канаде, США.

Подготовка к публикации
Ирины Кузиной

Кирьянов, швейцар Воронцовых - Дашковых

Мой дед, Василий Кирьянович Кирьянов, родом из Рязанской губернии, рождения 1844 г., появился в доме графа Воронцова-Дашкова на Английской набережной после службы в армии в 1884 г. Служащими графа, в основном, были его солдаты, воевавшие с ним в русско-турецкую войну.

Дед сначала был лакеем и жил в столице один, оставив жену с ребёнком в деревне. Вместе с ним на конюшне у графа служил его брат. Слуги были видные, красивые и статные. Вскоре из деревни он привёз жену, и граф выделил им квартиру во дворе дома 19 по Галерной. В этом доме родились все восемь детей моего деда. Лакеем он был недолго и был переведён в швейцары при парадной дома. Ему полагалась специальная одежда.

Тогда парадная была с фонарём, выступающим на набережную. После 1917 г. эту часть разобрали. В парадной у него был диван, телефон, стояли 2 больших канделябра, уже было и электричество. Там же стояло чучело большого медведя. Парадная лестница вела наверх до большого зеркала и расходилась в две стороны. Она была из мрамора, покрыта коврами. Во двор вёл другой ход слева под лестницей. Красная лестница, которая вела также вверх в кабинет графа, была более узкой, но тоже на ней лежал красный ковёр. На стенах этой лестницы висели картины лошадей, т. к., граф очень любил лошадей. Во дворе дома были конюшни.

У жены графа была своя лошадь, которую запрягали в карету или санки, когда она ездила гулять или по делам. Был также специальный кучер.

У детей графа, у мальчиков, тоже были свои любимые кони. Зимой двор был заставлен частично дровами, которыми топили все печи, как у господ, так и у служащих. В самом дворце было калориферное отопление. Дрова по

Ольга Васильевна Кирьянова

По церковным праздникам господа устраивали угощения и дарили подарки. А осенью, когда с Кавказа привозили виноград и яблоки, в первую очередь раздавали их большим семьям. Особенно "памятны" были дни Рождества и Пасхи. В большом зале дворца, что на 2-ом этаже, устраивали для детей большую ёлку. Всем детям были угощения и подарки. А на Пасху все служащие ходили христосоваться с семьёй графа, всем дарили на память фарфоровые яйца. Святыни куличи и пасхи приходили священники из Исаакиевского собора в церковь, что была при доме. Там же была служба, и собирались многие жители Галерной улицы.